

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

УДК 1:94(47).07

ВОСПРИЯТИЕ ИДЕЙ Ф.Д.Э. ШЛЕЙЕРМАХЕРА В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.*

О.К. Авдеев

Кафедра истории русской философии
Философский факультет
МГУ им. М.В. Ломоносова
Воробьевы горы, 1-51, Москва, Россия, 119991

Статья посвящена истории восприятия личности и взглядов немецкого философа и богослова Фридриха Шлейермахера в русской философии первой половины XIX в. В статье приводятся свидетельства знакомства П.Я. Чаадаева и И.В. Киреевского с текстами Шлейермахера, данные ими оценки его личности и мировоззрения. На основании этих свидетельств автором выделяются главные особенности первого периода восприятия идей Шлейермахера в России, делается вывод о том, что в первой половине XIX в. новизна его взглядов оставалась в целом непонятой и недооцененной.

Ключевые слова: русская философия, немецкая философия, герменевтика, философия религии.

Для ответа на вопрос о своеобразии и мере самостоятельности русской философии большое значение имеет изучение восприятия и рецепции ею наследия западной философской мысли. Тема эта обстоятельно исследована на примерах Х. Вольфа, И. Канта, И.Г. Фихте, Г.В. Ф. Гегеля и других знаковых фигур европейской философии, но при этом полностью или почти полностью оставлены без внимания многие другие мыслители, также оказывавшие влияние на духовную жизнь и философию России. Это относится и к наследию Ф.Д. Э. Шлейермахера, немецкого философа, богослова и одного из создателей герменевтики как дисциплины, о котором в России написано крайне мало.

Большая часть обращений к философии Шлейермахера относится ко второй половине XIX — началу XX в., а первый перевод и серьезный анализ его тестов был осуществлен С.Л. Франком в 1911 г. Но и в первой половине XIX в., когда

* Рец. проф. С.А. Нижников (РУДН), доц. С.В. Шлейтере (МГУ им. М.В. Ломоносова).

сам Шлейермахер продолжал здравствовать и читать лекции в Берлинском университете, его идеи не остались незамеченными в России. Характерной особенностью этого периода восприятия его философии можно назвать то, что для знакомившихся с его воззрениями читателей и слушателей он был современником, человеком, представлявшим европейскую образованность их эпохи, а отнюдь не персонажем из книг по истории философии и богословия. Более того, они имели возможность лично услышать Шлейермахера, посетив его лекции Берлине.

Можно с уверенностью утверждать, что с трудами Шлейермахера был знаком П.Я. Чаадаев. В опубликованном каталоге библиотеки Чаадаева числятся не только издания Платона на немецком языке в переводе Шлейермахера [1. С. 95] (*Platons Werke*, № 549 и 550 каталога, с надписями и пометками), но и собственные произведения Шлейермахера — «Христианская вера, детально изложенная согласно принципам евангелической церкви» 1821—22 гг. (№ 607) и «Речи о религии к образованным людям, ее презирающим» 1821 г. издания (№ 608 — с условными знаками и надписями) [1. С. 104]. Наличие пометок свидетельствует о том, что книги были не просто приобретены Чаадаевым в Европе в 1823—26 гг., когда он собирал свою библиотеку, но и внимательно проштудированы.

Хотя П.Я. Чаадаев нигде специально не разбирает идей Шлейермахера, но в «Шестом философическом письме» косвенно дает оценку его личности и взглядам. В этом письме, критикуя увлечение Древней Грецией и античностью, философское наследие которых он противопоставляет полузабытым идеям «умов религиозных... настоящих героев мысли, которые на заре нового общества одной рукой намечали предстоящий ему путь, а другой отбивались от издыхающего чудовища многобожия» [2. С. 339], Чаадаев говорит о том благе, которое могла бы принести подлинная историческая критика, которая должна была бы разоблачить преувеличенное значение античности и античной философии. Тогда лучшие люди Европы не попадали бы в сети этого «гения обмана», и никогда бы не случилось того, «что мощные умы поддаются увлечению чувственными вдохновениями Платона» [2. С. 339]. В подстрочной сноске, относящейся к этой фразе, Чаадаев приводит имена этих «мощных умов» — «Шлейермахер, Шеллинг, Кузен и т.д. и т.д.». Таким образом, можно сказать, что Шлейермахер был для Чаадаева одним из примеров лучших представителей духовного мира Европы, одним из ее живых классиков, разделявших, однако, со своей культурой все ее проблемы.

Второй фигурой русской философии первой половины XIX в., применительно к которой можно говорить о влиянии Шлейермахера, был И.В. Киреевский (возможно, лично знакомый с ним), оставивший о нем и его взглядах довольно обстоятельные отзывы и, без сомнения, учитывавший, пусть и «от обратного», философию Шлейермахера в своих представлениях о религии.

Знакомство со взглядами Шлейермахера относится к периоду поездки Киреевского в Германию, о чем свидетельствуют четыре из его писем родным, причем в двух из них дается характеристика личности и взглядов немецкого философа.

Так, в письме от 20 февраля / 4 марта 1830 г. он не жалеет для Шлейермахера восторженных эпитетов. Рассказав о своем желании написать статью о религиозном «направлении ума» в Германии, Киреевский упоминает о том, что «слы-

шал проповеди Шлейермахера, славного переводчика Платона, одного из красноречивейших проповедников Германии, одного из замечательнейших теологов и философов, одного из лучших профессоров Берлина и человека, имеющего весьма сильное влияние на высший класс здешней столицы и на религиозные мнения всей протестантской Германии» [3. С. 37].

Особенно примечателен этот отзыв на фоне критического отношения Киреевского как к содержанию лекций, так и к манере изложения большинства профессоров-немцев, включая Гегеля (с которым он, кстати, тут же сравнивает Шлейермахера, отмечая, что «после Гегеля, может быть, нет человека, на которого бы больше нападали, чем на него» [3. С. 37]).

Из приведенной цитаты видно, что именно красноречие, способности Шлейермахера как проповедника вызвали такой восторг Ивана Киреевского, в то время как именно то, что «профессора читают отменно дурно», отталкивало его от вышеупомянутых лекций куда больше, чем их содержание. Собственно, он еще не успел разобраться в содержании идей Шлейермахера, но уже высоко оценил стиль его проповедей, заинтересовался ими и в том же письме изъявил желание «покороче познакомиться с его сочинениями и с ним самим» [3. С. 38], а потом подробно написать об этом родным. И позже даже планировал посетить Шлейермахера [4. С. 53]. К сожалению, по опубликованным письмам невозможно однозначно заключить, удалось ли ему исполнить свое намерение.

Однако первое впечатление постепенно рассеялось и уступило место иной оценке мировоззрения немецкого проповедника, изложенной в письме родным от 3/15 марта 1830 г., по свежим впечатлениям от лекции Шлейермахера о Воскресении Христа. По мнению Киреевского, в своей лекции Шлейермахер «выказал зерно своих религиозных мнений» [5. С. 41], так как говорил о главном предмете христианства, где смыкаются философия и вера. Но выказал не столько тем, что говорил, сколько тем, как говорил — «точно хотел избежать центрального представления своего учения, что, вместо того, чтобы обнять разом предмет свой в одном вопросе, он вертелся около него с кучею неполных, случайных вопросов, которые не проникали вглубь задачи, но только шевелили ее на поверхности, как, например, началось ли гниение в теле Иисуса или нет, оставалась ли в нем неприметная искра жизни или была совершенная смерть и пр.» [5. С. 42].

По мнению Киреевского, такой подход равно чужд и истинному христианину, и «мыслителю нашего времени», под которым он, видимо, разумеет философа, согласующий свою систему с христианством, подобно Ф.В. Й. Шеллингу периода «Философии Откровения».

Отсюда можно было бы заключить, что человек, размышляющий подобным образом, должен быть либо неверующим, либо неглубоким... Но «к числу неверующих нельзя отнести Шлейермахера, потому что как бы ни был материален образ его объяснений, но это объяснение совершенно очищает предмет от противоречий, а веру от сомнений» [5. С. 43]. Кроме того, его глубоко христианское мироощущение стало для Киреевского несомненным после услышанной им проповеди Шлейермахера, сказанной над телом любимого и единственного сына,

а также ввиду репутации знаменитого проповедника и религиозного энтузиазма его прихожан. Но и отнести его к числу людей неглубокомысленных Киреевский решительно отказывается: «во-первых, за его превосходный, может быть, лучший перевод Платона... во-вторых, за его философские сочинения, где некоторые вопросы проникнуты до дна и решены с окончательностью мышления самобытного, свободного, глубокого и строго отчетливого» [5. С. 43].

Образ Шлейермахера оказывается противоречивым, двоящимся. Киреевский не решается однозначно разрешить это противоречие, ссылаясь на недостаточное знакомство с мнениями Шлейермахера, но описывает свою интерпретацию. Именно эта характеристика, в силу своей меткости и поэтичности, и цитируется у большинства биографов: «ему также мало можно отказать в сердечной преданности к религии, как и в философическом самодержавии ума. Но сердечные убеждения образовались в нем отдельно от умственных, и, между тем как первые развились под влиянием жизни, классического чтения, изучения Святых Отцов и Евангелия, вторые росли и костенели в борьбе с господствующим материализмом XVIII века. Вот отчего он верит сердцем и старается верить умом. Его система похожа на языческий храм, обращенный в христианскую церковь, где все внешнее — каждый камень, каждое украшение — напоминает об идолопоклонстве, между тем как внутри раздаются песни Иисусу и Богородице» [5. С. 43].

Шлейермахер, в глазах Киреевского, оказывается «остатком прошлого», «не переплавленным в состав новейшего»: он живет и проповедует в XIX в., его мысль влияет на новое поколение философов, годящихся ему в сыновья, но сам он — «одна из прекраснейших и значительнейших развалин XVIII века» [14]. Киреевский пишет о том, что, тем не менее, перевод Шлейермахера на русский язык имеет смысл, что его книги могли бы быть полезны в России, «как одна из ловких ступеней к высшему» [5. С. 44].

Этот отзыв Киреевского, позднее опубликованный вместе с его письмами, не остался без внимания биографов и историков философии, но по-разному интерпретировался ими.

Так, достаточно предвзятый биограф Киреевского Д.И. Писарев, пытавшийся не столько подвергнуть взгляды последнего критике, сколько найти причины, по которым неглупый и добросовестный человек оказался, с его точки зрения, «по неверную сторону баррикад», полагал этот отзыв свидетельством того, что Киреевский «мерил западную мысль крошечным аршином своих московских убеждений, которые казались ему непогрешимыми», «слушал лекции известнейших профессоров, усваивал себе фактические сведения, сообщал в письмах к родственникам и друзьям остроумные заметки о методе и манере их преподавания и между тем сам оставался неразвитым, наивным ребенком, не умевшим ни на минуту возвыситься над воззрениями папеньки и маменьки» [6. С. 239—240].

Причем Писарев, мягко говоря, не вполне верно передавал мысль Киреевского, иронизируя над тем, как «слушая лекции Шлейермахера, профессора теологии, Киреевский находил, что Шлейермахер слишком много рассуждает и что современному мыслителю следует воздержаться от анализа подробностей» [6. С. 240].

Этот же отзыв Киреевского о Шлейермахере М.О. Гершензон использует для иллюстрации другого тезиса. По письмам Киреевского из Германии он пытается проследить, как зарождается в нем будущее убеждение в том, что «в человеке есть нечто компактное, перевозданное, основное — именно его нравственная личность, то есть определенный состав его чувств, пристрастий, склонностей, — что ею определяется весь человек и что только в ней его истина... и чего нет в чувстве, то — ложь данного человека» [7. С. 426]. Эта убежденность проявилась в том числе и в его восприятии Шлейермахера, «коренную ошибку» которого Киреевский увидел в раздельности «умственных и сердечных убеждений». Ту же мысль высказывал Г.М. Князев, отмечая, что «в Киреевском уже в ту пору жило, хотя и невысказанное прямо, требование цельности воззрения и сознание бесплодности рассудочной раздвоенности» [8. С. 270].

С последним мнением, в целом, можно согласиться: критическая оценка Киреевского, действительно, относится не столько к сути взглядов Шлейермахера, сколько к замеченному в его мировоззрении «разделению» ума и сердца. Следует, однако, заметить, что причину этого раздвоения Киреевский видит в отсталости умственных взглядов Шлейермахера от духовной жизни века.

Таким образом, будучи вполне известным русским философам первой половины XIX в., Шлейермахер остался в этом периоде непонятым и недооцененным. Понимаемый как «один из великих умов», как проповедник и переводчик Платона, он воспринимался как дитя XVIII в., стремившийся незаконно и непосредственно, контрабандой протащить религию в секулярное философское мировоззрение, что уже не соответствовало духу эпохи, увлеченной откровенно религиозной «Философией Откровения» Ф.В. Й. Шеллинга. Время для правильного понимания и верной оценки его интерпретации религии и этики, а также вклада в развитие герменевтики пришло лишь во второй половине XIX — начале XX в.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Каталог библиотеки П.Я. Чаадаева. — М.: Государственная Библиотека СССР имени В.И. Ленина, 1980. — С. 95.
- [2] *Чаадаев П.Я.* Шестое философическое письмо // Полное собрание сочинений и избранные письма в 2-х томах. — Т. 1. — М.: Наука, 1991.
- [3] *Киреевский И.В.* Письмо родным от 20 февраля / 4 марта 1830 года // Киреевский И.В. Киреевский П.В. Полное собрание сочинений в 4 т. — Т. 3: Письма и дневники. — Калуга: Издательский педагогический центр «Гриф», 2006.
- [4] Письмо П.В. Киреевскому от 16/28 марта 1830 года. Там же. — Т. 3: Письма и дневники.
- [5] Письмо родным от 3/15 марта 1830 года. Там же.
- [6] *Писарев Д.И.* Русский Дон Кихот // Киреевский И.В. Киреевский П.В. Полное собрание сочинений в 4 т. — Т. 4: Материалы к биографиям. Восприятие и оценка личности и творчества.
- [7] *Гершензон М.О.* Иван Васильевич Киреевский // Киреевский И.В. Там же.
- [8] *Князев Г.М.* Братья Киреевские // Киреевский И.В. Там же.

THE PERCEPTION OF F.D. E. SCHLEIERMACHER'S CONCEPT IN THE RUSSIAN PHILOSOPHY OF THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

O.K. Avdeev

The Department of the Russian Philosophy History
Faculty of Philosophy
Moscow State University n. a. M.V. Lomonosov
Vorobyev Hills, 1-51, Moscow, Russia, 119991

The article deals with the perception of a personality and the concept of the German philosopher and theologian Fr. Schleiermacher in the Russian philosophy of the first half of the XIXth century. There is evidence of P.J. Chaadayev and I.V. Kireyevsky being aware of the texts by Fr. Schleiermacher as well as their evaluation of his personality and world view. Proceeding from the evidence, the author of this article reveals the main features of the first period of perceiving Fr. Schleiermacher's ideas in Russia, and a conclusion follows that on the whole the novelty of his views was not understood and stayed underestimated.

Key words: Russian philosophy, German philosophy, hermeneutics, the philosophy of religion.